

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

АНАТОЛИЙ ГОМОРЕВ

ИЗБРАННОЕ

Стихотворения, проза

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2010

А. К. Гоморев. Избранное.

Стихотворения, проза.

М.: Вест-Консалтинг, 2010. — 48 с.

Анатолий Константинович Гоморев родился в Смоленске 1 августа 1937 года. В 1941-1946 гг. жил в деревне в Смоленской области. (1941-1943 в оккупации).

С 1946 года живет в Москве. В 1964 году закончил филологический факультет МГУ, русское отделение. Работал в издательствах, в Комитете по печати СССР, позднее в бюро экскурсий, музее-заповеднике А. Блока — Шахматово.

1966-1969 — годы странствий по Сибири, на Кольском полуострове и на Камчатке, в Арктике.

Печататься начал в 1966 году в областных газетах.

В 1967-1971 был членом литобъединения «Спектр». Первая книга «Позднее признание» издана в 2001 году. В 2005 г. издал книгу «Три брата», в которой — один из авторов. В 2005 вступил в члены Союза литераторов России. В 2010 подготовил и издал антологию «Поэты «Спектра».

ISBN 5-86676-012-6

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

© А. К. Гоморев, 2010

© Союз литераторов России, идея издания,
составление, предисловие, 2010

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2010

СТИХОТВОРЕНИЯ

НАКАНУНЕ

Закат разбрызгал кровь,
Всё небо обагряя.
Багровых облаков
Клубилась мрачно стая,
Как будто страшных бед
Приход нам обещаая.

Пришёл и ночи час.
Но долго ещё нас
Во власти тех примет
Томящихся впотьмах
Щемил какой-то страх.

А ночь была бледна,
Не различить и звезд,
И разнесли чуть свет
Орудия окрест,
Что началась война.

1956

ВОЙНА

По горам, по лесам, по долинам,
Как гигантская в море волна,
Рубежей подминая плотины,
Прокатилась война.

Стынут вехами страшного шквала
Пепел сёл и разор городов,
Бесконечные свалки металла
И недвижимые нивы крестов.

1956

РАЗВАЛИНЫ ГЕСТАПО В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

В глуши, молчанием объятой
Лес свою тайну затаил,
Что разыгралось здесь когда-то
Поймёшь по холмикам могил.

Давно обломки камер тесных
Травой, бурьяном заросли.
Имён героев неизвестных
До нас года не донесли.

Лишь стёртой строчкой как святые
Засохшей кровью по сейчас
Стучатся в душу: Мать Россия
Прощай навек и помни нас...

1956

КОНТУЖЕННЫЙ

Я отставил душевный покой
На проклятых дорогах войны,
Где лилась кровь людская рекой,
Где убийством все люди больны.

Матерей полный мукою взгляд,
Плач детей, сиротевших подряд,
Эти трупов неубранных смрад —
Отравили мне душу как яд.

Выжил я, но всегда предо мной
Этот грохот и скрежет стальной,
Этот бомб настагающий вой,
Эти поиски пули шальной.

Не найти мне моей тишины,
Не сыскать равновесия клад.

Я оставил душевный покой
На проклятых дорогах войны.

1958

* * *

Ещё мальчишка, золотоволосый —
Таким рисуется мне он,
Когда, влюблённого в любовь и осень,
Его унёс войны циклон.

Из детства брошен в ад сражений,
Чтоб не сойти совсем с ума,
Он звал реальность наваждением
И верил в вымысла дурман.

Кляня разгромы и победы
Виновных перед ним людей,
Он жёлтым листопадом бредил
И белым платьем в мгле аллеи.

Как мог он, смерть считая воров,
Ей помогать вершить набег?
В степном рыдающем просторе
Он загляделся в высь навек.

Сомкнулась над его судьбою
Артиллерийских глоток медь,
Но всё, что он унёс с собою,
Должны мы за него допеть.

1959

ХИРОСИМА

Храбрость сразу состарилась,
Как рыцарство Дон-Кихота

С того сорок проклятого года,
Когда в огненнобрызгих конвульсиях
Площадей бились крылья,
Когда плоть растекалась, лишенная кожи,
Как металл жаропрочных конструкций
И плавился камень.
Когда воля и страсть человека
Перед смерчем огня обратились
В маленький мокрый плевок.

1967

* * *

Снег на зубцы Кремля лёг кружевами,
И шапки башен шиты на меху.
Они былинными богатырями
Взнеслись над временем и город стерегут.

И сказкой кажется мне Кремль в своём уборе,
Забывтой сказкой, виденной сквозь сон.
И я боюсь проснуться слишком скоро,
Чтоб не расплылся, словно Китеж, он.

1956

* * *

В неожиданный час душевных гроз
Под ношей горя многотонной
Нет сил в душе опустошённой,
Нет облегчающих нас слёз.

Утратив веру всю до йоты,
На жизнь рассудок восстаёт,
Но сердце глупое всё ждёт
И всё надеется на что-то.

1956

* * *

Упал на море небосвод.
Гор очертанья растворились.
И волны бились в скал оплот,
Как будто вспомнить что-то силясь.

А на побережье под дождём
Блестели мокрых лавров ризы.
О чём-то грустном и своём
Шептали плача кипарисы.

1956

ЭПИТАФИЯ

Он слишком мир любил земной,
Чтобы спешить в потусторонний,
Но всё ж не мог принять душой,
Что в мире призрак он мгновенный
И свет надежды неизменный
В нём тлел неясною мечтой
О жизни новой, возрождённой.

1956

МОНПЛЕЗИР

На берегу у самых волн — скамейка
Совсем засыпана червонною листвою,
И некуда уйти от осени-злодейки,
Что нежит душу пыткой золотой.

А впереди, насколько хватит взора,
Одна глаза ласкающая синь
Неизмеримого безбрежного простора —
Забудешь всё, но сердцем не остынь...

Тишь и печаль. И блеск осенний солнца.
Смотри, в недостижимой дали
Уходят корабли, пуская дыма кольца,
Куда-то вдаль уходят корабли...

1957

ЛЁТЧИК-ИСПЫТАТЕЛЬ

*Безумству храбрых
Поём мы песню...*
М. Горький

Он знал: ходит рядом смерть,
Но смерть побеждают дела
И жизни своей не жалеть
Душа его в небо звала.

Привычно запел мотор
И птица, рванувшись в простор,
Послушна его рукам,
Скрылась за облака.

Он выдержки не потерял,
Когда стал сдавать мотор,
Лишь строже стал его взор,
Твёрже он сжал штурвал.

Вздыхалась всё ближе твердь,
Но он всё не верил в смерть.
— Что ж, крышка, — подумал храбрец,
Когда понял — это конец.

И в этот последний миг
В горле застрял комок,
И был бесконечно глубок
Дыма последний глоток.

И он вдруг острее постиг,
Как здорово в мире жилось.
Обрывочных мыслей хаос...
Потом всё оборвалось.

Всю жизнь он дерзаньем горел
Душой, устремлённой в высь.
Он умер, но кто б пожалел,
Как он прожить свою жизнь!

1957

* * *

Прокатился гудок паровозный,
Всколыхнулись седые туманы,
Вздрыгнул лес своим хвойным убранством,
Отозвались далёкие дали.

И запрыгало эхо в морозный
Сонный сумрак предутренней рани,
В беспредельность времён и пространства
Повторять вздох вселенской печали.

1957

ТИТАНИК-ВАЛЬС

Танцоры пьянели от вальса,
Салон был огнями залит,
Когда страшный грохот раздался
И айсбергом борт был пробит.

В пробоину борта «Титаника»
Рекой устремилась вода.
Плясала по палубам паника,
Корабль превращая в бедлам.

Ушёл караван чёрных лодок —
Надежд похоронный кортеж,
И каждый из сотен народа
Вступил на последний рубеж.

Среди обезумевшей публики,
Спокоен как истый араб,
Стоял капитан той республики,
Диктатор её — её раб.

Он знал: близок финиш гиганта.
Что смертникам мог он сказать?
И он приказал музыкантам
Неконченный вальс доиграть.

И вот над могилой недалёною,
Над смертной души маятой
Брызнули звуки печальные
Целебную красотой.

В них слышалась скорбь бесконечная
И безнадёжная грусть,
Что жизнь всё равно быстротечна.
Что смерть уж близка — ну и пусть.

Они уводили страдающих,
Даря им блаженство потерь,
Героев зовя умирающих
Со сцены обратно в партер.

И вечной печали покорные,
Стряхнув с себя времени прах,
Стихали отчаянье чёрное
И ужас животный, и страх.

И каждый смерти избранник
Стихал, примерённый с судьбой.
В волнах погружался «Титаник».
Титаник-вальс плыл над водой.

1957

БАЛЛАДА О ПЕТУХЕ

*Посвящается Екатерине и Александре
Прудниковым*

Ах, какой петушок был у Саши,
Несказанной красы петушок...
Мама, мама, зачем ты, родная,
Погубила того петуха?

Его хвост был павлиньего краше,
Как огонь был его гребешок.
Мама, мама, зачем ты родная,
Погубила того петуха?

Он носил как у рыцаря шпоры,
Гордой шеи своей не клоня...
Мама, мама, зачем ты, родная,
Погубила того петуха?

На заре, когда третьи дозоры,
Он будил громким криком меня.
Мама, мама, зачем ты, родная,
Погубила того петуха?

Под ударом безжалостной стали
Отскочила его голова...
Мама, мама, зачем ты родная,
Погубила того петуха?

Словно гроздь рябины упали —
Обагрилася кровью трава,
Мама, мама, зачем ты, родная
Погубила того петуха?

Ах, его безголовое тело
Жить пыталось ещё на бегу.
Мама, мама, зачем ты, родная,
Погубила того петуха?

Он упал, крылья бились, слабели...
Ах, того я забыть не смогу...
Мама, мама, зачем ты, родная,
Погубила того петуха?

Ах, ты, типочка мой!
Петутошенька мой!

1958

ПОРТРЕТ

В дворце дворянском, старинном,
Где ветви в окнах висят,
Бродил я по залам пустынным
Томленья столетий неся.

И в зале таинственно тёмном,
Где реял дрожа полусвет,
Увидел в глубоком проёме
Старинный поблёкший портрет.

Но времени прикосновенье
Стереть не посмело красы
Красавицы, в уединеньи
Склонившейся на клавесин.

Молитвенной грустью дышали
Лица молодого черты,
Струились и врачевали
Свечением чистоты.

Печальны глаза незнакомки,
Чуть-чуть приоткрыты уста,
Над пышными фижмами ломко
Изогнут затянутый стан.

И взгляд, запрокинут, казалось
О чём-то кого-то молил.

И грудь над корсажем вздымалась,
На клавишах руки без сил.

И чудилось: грустные звуки
Наполнили весь будуар.
И век тот входил вместе с Глюком
И с тайной шептался муар.

1958

* * *

Всю жизнь к недостижимому стремиться,
Чего-то неизвестного искать,
На миг один свершением упиться
И навсегда опять всё потерять.

Утратить сон, покой, семью, здоровье,
Ждать каждый миг разгадки много лет,
За строк намёк платить своею кровью.
Да такова профессия — поэт.

1958

ВАСКО НУНЬЕС ДЕ БАЛЬБОА

Вот он лежит
Всей солью напряжений,
Кровавыми мозолями горит,
Отравой стрел грозящий пораженьем
Проклятый путь,
Что им не повторить.

Последний перевал
Опустошил их силы,
Но сверху вдруг открылся,
Словно диск,
Морской простор от солнца

Синий-синий
В мирьядах прыгающих искр.

Бальбоа обнял потеплевшим взором
Дошедших, уцелевших до конца.
Седые воины, всё снёсшие без споров,
Стирали что-то хмурые с лица.

И он как был
В покрытых пылью латах
Шагнул в прибой
Навстречу жженью ран.
Пусть впереди ждал
Эшафот и плаха,
У ног шумел
Великий океан!

1958

Индийская мелодия

О играй музыкант-чародей
Ты на странном своём инструменте,
Что похож так на русскую грушу
А вернее на сердце людей,
Что живёт твою чувствуя руку,
Кровоточа песнью своей.

О тяни бесконечную нить
Вздохов, жалоб, пустых сантиментов,
О вытягивай скорбную душу
Ты по нерву, по жилке тяни,
Нестерпимую дли мою муку,
Ты живого меня хорони.
Ты меня не жалей, не жалей.

1958

Из В. ГАРШИНА (ПЕРЕЛОЖЕНИЕ)

Его схоронили в степи под холмом
Средь широких полей бесконечных.
И солнце могилу ласкало теплом
И ветер резвился беспечно.

И был всё таким же окрестный простор.
Всё в мире осталось как было.
Лишь небо раскинув бездонный шатёр
Загадочной тайной дразнило.

И маки качаясь над ним зацвели
И жавронок в хмарь небосвода
Пел песнь отрешенья от грешной земли
Блаженства и вечной свободы.

1958

* * *

Уж сгнили листья, что скрывали нас
В любовью заколдованном саду,
И тех дорог, что к счастью звали нас,
Теперь, увы, никак я не найду.

И та скамейка, где мечтали мы,
Где прозвучали вечные слова,
В блокаду беспощадную зимы
Порублена, наверно, на дрова.

И нет тех снов, надежд пустых — уж всё
Развеял ветер жизни и унёс.
И в сердце одинокое моё
Крадётся щупальцами белыми мороз.

1958

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Посвящается отцу Августину (Д. Е. Никитину)

Покличены судьбой своей беспутной,
Презрели вы обычный наш удел,
И гавань ваших парусников утлых
Всегда скрывал известности предел.

Всю жизнь манили вас преграды.
Ни зной пустынь, ни холод вечных льдов,
Ни постепенное предательство годов
Не остудили пыл сердец горячих.
Вы шли и днём и в ночь сквозь мрак незрячий,
С далёкой цели не спуская взгляда.

Среди болот, средь выжженных пампасов
Томила жажда вас и била лихорадка,
Опасность стерегла вас здесь и там.
Где только вы не ставили палатки!
Вы шли с улыбкой мира к папуасам,
И к людоедам как на чай к друзьям.

Вы не боялись даже самой смерти.
Невозмутимые и не впадая в раж,
Вы отправлялись в царство мёртвых, как в вояж,
Куда-нибудь в Гвинею или Пуэрто...

1959

ПАРОВОЗ

В облаке пара,
Словно с побоища,
Гневно сверкая огнями трёх глаз,
Промчалось стремительно
Стальное чудовище
И долго земля как от страха тряслась.
Паровоз, тебя приручили детёнышем.

Ты был слабосилен тогда и мал,
Ты еле-еле ходил, тяжело дыша
И несколько тележек едва таскал.
Под людскими заботами,
Покорный их планам,
Ты сил набирался, мужал и рос...
И вот ты стал уже великаном,
Паровоз.
Тебе жить бы мотаясь в дыме и пене,
Увлекая составы
Как коробки папирос,
Но смотри, подросло поколение на смену
Посильнее тебя, паровоз,
Не бежать тебе больше
По полям засыпающим,
Оглашая криком
Мрак неба до звёзд,
Паровоз, ты из племени вымирающих.
Мне жалко тебя,
Паровоз!

1959

НЕНУЖНАЯ РАДОСТЬ

В вечеряющем городе,
Залитом туманом,
Бродя неприкаянно,
Как в незнакомой земле,
В идущей ко дну Атлантиде,
Нашёл я радость нечаянно,
Вспыхнувшую, как сполох, —
Сказочный сполох во мгле.

Эту редчайшую гостью, —
Как лучшее достояние,
Счастливым и гордый ею,
Понёс я в дар друзьям,
За то, что мучил их бедных,

Совсем невинных,
Своей ипохондрией,
А больше мучился сам.

Не знаю, что я сказал бы.
Огоньки возникали,
Вспыхивали и алели,
Распускались соцветия слов,
И весь я летел на крыльях,
Людские печали,
Как ветряные мельницы,
Донкихотски развеять готов.

Одного не застал я дома,
Другой был болен — не принял,
А третий, он рад мне, конечно,
Но взял он в кино билет.
А четвертой звонить не стоит,
Она занята ведь вечно,
Она не выйдет,
Нет.

И до бровей запахнувшись
В плащ печали струистый,
В туман, одинок, я побрёл.
В груди моей тихо
Радости искры
Догорали бенгальским огнём.

1959/1960

ЭЛЕКТРИЧКИ

Дым как зонтики атомных взрывов
Над домами в сугробах до стрех.
Тишина. Стынут рельсов извивы.
Чист и холоден мартовский снег.

Я на насыпь всхожу как дозорный —
Сторож прошлой любви, одинокий
Как пронзительны глаза светофорный.
Сух и мертв переезда звонок.

И когда этой ночи на совесть
Можешь жизни отдать фитилёк,
Вдруг с разбега вылетит поезд,
Затрубив как охотник в рожок.

Надвигаются света квадраты,
Убыстряя спасительный бег
И колёс громогласных раскаты
Оживят цепенеющий снег.

Вот стучат и мелькают вагоны,
Застеклив кубистически мглу
И меня покличет невольно
От снегов к чужому теплу.

Что-то вздёрнет меня на дыбы и
В гонке этой меня не вернуть
Рушась сзади, дни прожитые
Словно шпалы ложатся мне в путь.

Но всё мимо: движение к цели,
Теплота, оживленье и смех.
И опять смыкается темень.
Тишина. Одиночество. Снег.

1960

* * *

Любимая,
Вечность уже протекла
Как мы расстались с тобой.
— Вернись! — Ты слышишь, лепечет весна
Пушистой клейкой листвою.

Напрасно брожу я.
И Пресня не та
И лица угрюмы домов.
— Вернись! — взывает тех мест пустота,
Что ты наполняла собой.

Вер — нись —
Это сердца печального бой,
Вернись —
Одна моя мысль.
Ты слышишь, как ночью моею тоской
Кричат паровозы:
ВЕРНИИИСЬ!

1961

ВНУШЕНИЕ

Поспешно от зноя убегала дорога.
Скрывал горизонт последний пригорок.
Обрыв и кончалась земля.

Земля не кончалась. Не сдавалась дорога
И в синее марево бросала всё снова
Асфальтовое лассо.

Но синь отступала. Хрустели морены.
И голуби реяли словно моряны.
И бредила кожа прохладной струею.

И вновь миражём подступало к нагорью
Синело, плескалось безмерное небо.

1964

Поиски прошлого

Леса мозаикой сбегали вниз к долине,
Дома карабкались как козы по холмам...
В овальной чаше переполненной туманом,
Переводной картинкой прояснялся город
Под стрелами упёршихся лучей.
В траве неслышно колокольчики звонили
К заутрени сзывая мотыльков,
А закулисный хор пернатых
Предчувствием мелодии звучал.
А я плутал и всё не мог найти
Той точки, что я девять лет назад
Собой навечно врезал на ландшафте.
Я словно заблудился в трёх соснах.
Всё было то, и всё же не хватало
Чего-то.

Так после долгих лет отсутствия
Встречаешь дорогого человека
И обнимая в нём, что ты любил,
Вдруг замечаешь: что-то между вами встало.
Что я искал? Себя ли самого,
Того ли чувства беспредельности и счастья
Иль подтвержденья, что мои измены
Не тронут прошлого и что всегда открыто
Его убежище, как отступление, мне?
Я недоверчиво прислушивался
К обманной тишине. Выстукивало сердце
Как счётчик Гейгера всё громче: здесь-здесь-здесь,
А разум мне подсказывал: не исчезает
Ничто на свете. Даже изменив лицо,
Неузнаваемы то лето и тот день
Как приведенья дом свой не покинут.
Тогда откуда-то из этой чаши
Уже залитой солнечным вином,
Из этой раковины, над которой
Шумят и пенятся валы веков и лет
Родился звук. Загадочный печальный,
Он вырывался словно из нутра.
И мои раковины тоже зазвенели

Как маленькие камертоны,
Настроенные на его волну.
Казалось, моя мысль невидимой волной
Ощупав каждый кустик, каждый камень
Перстами ждущими нашла долины сердце
И вызвала протяжный этот звук.
И понял я: сиреной похоронной
Прошедшее прощается со мной.

1965

* * *

Мир терял Пушкина.
В смятении
Весь Петербург: и двор и свет.
Как нелюбимое стихотворенье
Свой путь дописывал поэт.

Сдавалось сердце и туманом
Ум искромётный заплывал.
Утехи жизни и обманы
Срывались в пропасть, как обвал.

От книг, казарм и светских сплетен,
От слёз за дверью Натали
Поэта дух, высок и светел,
В бессмертие переходил.

И уходили, рассыпались,
Стирались, жухли и рвались
Стихи, что клювами стучались
И выхода не дождались.

1966

* * *

Перед враждебным равнодушием природы
Так зыбок дух земного существа,
Так он случаен в ней,
Так инороден,
Что слаб мандат на все его права.

И потому как истый конкистадор
Он с тонкой шпагой разума идёт,
Чтобы стихий безумствующих стадо
Загнать в иллюзорно разбитый огород.

И нет предела этой жгучей жажде,
Берущей в страхе растворения исток,
Стать властелином единодержавным
Как Бог один.
А ведь бессмертен Бог.

1966

Ода МГУ

Воплощенье,
Явлённое в камне
Идей.
Хор, впрессованный в стены
Столетий.
Подойду,
Прикоснусь,
О, живой водолей,
И всё значимо вновь
И понятно на свете.
Святотатство верша,
По священным ступеням
Коридорчиком тесным
Прямо в юность
Вернусь,
Где за дверью

Белинского, Герцена тени.
Так с великим нос к носу
Я как школьник
Боюсь.

Я не Пиндар.
Прости,
Не восторг в моём горле —
Комок,
Лишь взгляну на твой мох,
Что священ,
Как Гомера седины.
Как Итака Улиссу
Каждый твой уголок,
Каждый выступ стены.
Каждый камень старинный.

О, мой храм,
Моя церковь, Столица столиц,
О, седой оппонент
Всей духовной проказы,
Счастлив я,
Что касался твоих половиц,
Твоим духом дышал,
Твой я впитывал
Разум.

1966

* * *

*Газетные строчки прозвучали ударом:
В джунглях Боливии погиб Че Гевара.*

То не сердца причуда —
Наша зависть и юность —
Солнцеглазая Куба
В колоннах барбудос.
Аргентинец он родом,
Борец мира на деле,

Был с кубинским народом
Как сподвижник Фиделя
Это рыцарь без страха,
Духом — внук Гарибальди,
Он разил как наваха,
Появляясь, где надо.
Он не мог сидеть в кресле,
Пока в силах стрелять он
И везде не воскресли
Угнетённые братья.
Вольнолюб каждой фиброй,
Уж такого он свойства,
Он борьбу просто выбрал
Изо всех удовольствий.
Пока век не отмерен
Революций пожарам
Будет славным примером
Нам Эрнесто Гевара.

1967

* * *

Что ты бьёшься в остывшее сердце,
Как докучный прохожий,
Который стучится в холодную полночь,
Не в силах понять,
Что уже не откроется дверь.
Кончилось
Краткое гостеприимство.
Привыкай опять к темноте,
Неуютности ночи своей.

1967

* * *

Снова боли прибой
Завертел в испуглённом набеге

Сердца глупый голыш.
Точит камень вода.
Надолго ль запас твоей прочности,
Сердце?

1967

* * *

Куда скрывается вчерашний день?
Уходит никогда не возвращаясь?
Ещё вчера он трепетал везде,
Как скульптор жизнь из ночи высекая.

Я ощущал бесплотную струю
И звон неуловимого напева.
Зачем заброшен я, дырявый невод,
Чтоб он струился через плоть мою?

Я убеждён: то был не сон,
Не ложь.
Ещё жива на веках,
На сетчатке глаза
Его мгновений праздничная дрожь.

Куда же прячется вчерашний день?

1967

* * *

Сугробами порхающего снега
Придавлен день.
И силуэты голые деревьев —
Прохожие, которым некуда укрыться
От непогоды.

Мне как деревьям некуда идти.
Стою на перекрёстке.

Из чёрных силуэтов букса,
Из камня мокрого, линующего день
И белых нитей
Соткано моё сознание.

1967

* * *

Перевернуть
страницы дней,
Листы заснеженных полей
Вернуть
В их свежести опять,
Чтоб неразгаданные строчки
Крестов и галочек
Сорочьих
Сквозь призму жизни
Прочитать.

1967

* * *

Всегда опаздываем всюду.
Андре Ади

Всегда мы что-нибудь теряем.
Теряем вещи, сон, друзей,
Возлюбленную, вместе с ней
Свою любовь и забываем.

Нас вечно страх потери гложет,
А жизнь потери наши множит.
Однажды спросишь: Где я, Боже?
Бюро находок не поможет.

1967

* * *

Дождь, продираясь через сад, шумел
И ветер помыкал ветвями.
Стирая сумерек пробел,
Шла ночь, наваливаясь к раме.

Шло колдовство. Сквозь ночи темень
Природы шифры проступали
И в стёкла мокрые сирени
Как души умерших стучали.

Следы затёртые навечно,
Выталкивали ног нажимы.
Предательски немые вещи
Прикосновеньями блажили!

Как восстановленная лента
Истаявшая жизнь шуршала,
Где родов крик и хрип предсмертный
Ложился на кадрили бала.

Судьбой я где-то был обронен
И мне никто не мог помочь.
Мои раскрытые кингстоны,
Бушуя затопляла ночь.

1967

* * *

Ефиму Друцу

Живи в стихе, невольный богомолец
В краю задоголовых и тупых.
Пусть в лапах у закона стихотворец,
Нельзя надеть намордника на них.

Смелей дерзай, и верь себе и помни:
Вторая жизнь того наградой ждёт,

Кто профиль свой, хотя бы даже скромный,
Впечатал в стынущий истории полёт.

1967

* * *

Опасен ум, опередивший время.
В нём семя спит анархии и смут,
Бунтов бродило!
Он разрушитель
Священного порядка
И к тому же
Тревожит олигархии уют.
Вывод ясен:
Безбожен он,
Он посягает
На признанные обществом святыни.
Отныне
Его соображенья пользы не спасут.

Ум схвачен.
Словно в колбу
Он втиснут в шестигранник камеры
И пломбой запечатан герметично
Как должно по всем правилам науки —
Тюремщик образован,
Он потирает руки:
Отлично!

Смеётся ум.
Пусть для раздумья
Дано ногам лишь три шага вперёд
И три обратно,
Что стен миражи,
Когда горящего сознания нити
Он прочно вплёл и тянет за собой
Всю пряжу мировых событий.

1968

ГЕЛИОС

Зенит горит.
Небесной лупой пойман
Диск солнца в фокусе повис,
Оплавлен
И золотою лавой
Стекает вниз
На фиолетовое море,
На пальмы —
Ветряные мельницы,
Разбрызгивающие солнце с лопастей
Напалмом
На беззащитность стен.
И некуда от зноя деться.
Всесилен Гелиос — создатель и оберегатель жизни,
Огня! Лишь искорку! Я жажду! —
В волокнах трав и в плотном теле камня
И в каждой клеточке меня,
В моей кровинке каждой
Кричит в бессилии и рвётся вон
Плоть солнечного бога — флогистон.

1968

БАХ

Выстраивают трубы по ранжиру
И рев прибоя
И полёт пчелы,
И света с мраком перебои,
Гобои осени,
Виолончели весен,
Литавры солнца
И волшебную шкатулку — луны —
Всю какофонию и хаос мира
В одну гармонию надмирного покоя.
Так строил Бах для человечества мосты
И понемногу вёл дорогу

К Богу,
И был его орган
Прообразом вселенной —
Сладостный аркан,
Что по ступеням фуг
Вел замкнутые и слепые души
Биенье сердца мирового слушать.

Дорога старая заглохла
И обрушились мосты.
Всё это дело кажется пустым
Идохлым.

Но и теперь, когда играют Баха,
Вновь начинаешь
Ты поднебесье лестницей винтить,
Шагаешь по исчезнувшим следам
И повисаешь вдруг с размаха в никуда,
Мрак и проруху.
И негде голову усталую склонить
В томленьи духа.

1968

* * *

Здесь только небо грабаристо,
Всё остальное — невпопад.
Здесь иглы падают — не листо-
А иглопад.

Я знаю: в мире дефицит
На радость, и избыток грусти,
Но нестерпимость состоит
В том, что здесь даже грусть не русска.
Но пусть возьмёт её другой.
Не прозвенев она угаснет
В тугих пружинящих паласах,
В поспешности моих шагов.

1968 г. Колымский хребет

ГЕОЛОГИ

Четыре месяца живу при коммунизме
У позабывших собственность бродяг.
Я отдыхаю здесь от блюдолизгов,
От самозванцев и от прочих благ.

Здесь каждый — мастер на все руки, с толком
Работает, не требуя наград.
И обо всём и всех без экивоков,
Как и положено в Гайд-тундре говорят.

А к ужину со всех концов под вечер
Собравшись возле бочки-камелька,
Шумит до полночи в большой палатке вече
И судит мир, отставший на века.

1968 г. Колымский хребет

ТИКСИ

С задворок мира,
Из краёв, где суша,
Схлестнувшись с морем, сдерживает натиск
Бронированных льдов,
Что разжимают своё жёсткое объятье
На три недели хмурые в году,
Заложники арктической бездонной ночи —
Горсть огоньков,
Построившись осмысленной цепочкой,
Мне предложенье посылают на союз
Тепла и мужества и доброты
Но их привет в борьбе с пластами мрака
Изнемогает и сбивается с пути
И хищной стаей бродят между нами
Голодные пространства
Снегов.

1968

* * *

Ещё дрожала ветка,
А птица улетела,
И трель ещё звенела,
Ещё дрожала ветка.

А осень золотела
Листовою уже редкой,
И небо голубело
Как купол над беседкой.

Мгновенье словно клетка
Свои сомкнуло двери.
Ещё дрожала ветка
Задетою портьерой.

1972

АНХЕЛЮ СЕРРАНО

Мудрость печальна, а радость шальна
Кто скажет, что лучше, мой друг?
До середины жизнь пройдена
И юности нашей каюк.

Мы думы гнали с тобой со двора,
Чтоб легче пилось и шагалось.
Не видно, не слышно решений пора —
Увы, неизбежных — подкралась.

И всё же, и всё же останься, сумей,
В душе ты таким же бродягой,
На дружества песнь, как на песню дождей
Отзываться невидимой влагой.

1975

* * *

В день августа, в золотознойный полдень
Под шорохи и пение листвы,
Когда сам воздух густ, медонаполнен
И золотого века оживают сны,

Под дубом лежа, сквозь резное небо
Я тайну времени дразнящую постиг:
Оно в себе! Ему не нужно бега...
И вот я задремал, уснул как Рип ван Винкль.

Проснулся я и всё переменялось...
Тревога наклонялась над душой.
Печаль ползла повсюду и таилась,
И лес стоял враждебный и чужой.

Лишь вслед золотоспицей колеснице
На западе горели облака,
Как перья улетающей жар-птицы,
Однажды в жизнь, дающейся рукам.

1976

ШАХМАТОВО

Под самым сердцем у России
Глухой забытый уголок
Ещё хранит следы живые
И имя Александр Блок,

И чувство: это место свято...
Здесь жил, предвидел он и звал
Непощадивший холм распятый
Огня сжигающего вал.

Здесь лес кругом, куда не взглянешь,
Топорщит пики как и встарь.

Огромный камень на поляне
Стоит как жертвенный алтарь,

Как памятник самой природы
Постигшему стиха предел,
Тому кто тайную свободу
Вослед за Пушкиным воспел.

Последний бастион поэта,
С каким не справятся никак
Ни строки грозные декретов,
Ни Бог, ни царь и не ЦК.

1976

ΠΡΟΖΑ

МЕЖДУ ЗАМЫСЛОМ И ВОПЛОЩЕНИЕМ

Из всех вопросов, относящихся к творчеству, пожалуй, самый неясный и неизученный — это зарождение замысла. Почему поэт проходит мимо одних явлений жизни, а другие служат причиной создания нового произведения?

Есть ли и каковы законы трансформации эмоционального процесса в словесные формы стиха? Что диктует произведению определённую форму и знает ли автор её модель заранее?

Полностью этот процесс конденсации нового произведения из летучих паров впечатлений и воображения раскроет лишь наука будущего, объединившая усилия поэтов, литературоведов, биологов, психологов и медиков. Здесь я могу поделиться только своим скромным поэтическим опытом. Поскольку законы творчества едины, то возможны пересечения моих мыслей с другими авторами.

Поэзия как искусство слова — это нерасторжимый сплав мысли и эмоций.

По тому, что служит первым преобладающим импульсом нового замысла, я разделил бы творческие замыслы на идею-мысль и на идею-эмоцию.

Жизнь человека — непрерывный эмоциональный процесс, имеющий свои вершины, соответствующие наиболее значительным событиям или ситуациям жизни. Чаще всего эти наиболее острые переживания, образуя сильный эмоциональный напор, и служат причиной возникновения идей-эмоций.

Например, мне запомнился момент отплытия на пароходе с речного вокзала Химки. Волнение, связанное с отплытием, с прощанием со всем, что остаётся, усугублялось хлынувшим проливным дождём и прощальным маршем, который по обычаю заводят в момент отплытия, но на этот раз звучавшим особенно печально. Идею-эмоцию в этом случае можно было обозначить: отплытие-волнение-дождь-музыка. Как следует из самого названия «идея-эмоция», содержанием стихотво-

рения при такого рода замыслах должен быть эмоциональный процесс сам по себе. Как правило, воплощение начинается с какого-то стихотворного фрагмента— целого стиха или словосочетания, несущего определённый стилистический и ритмический ключ.

*Над пристанью,
Над водной гладью Химок
Захлёбывался дождь...*

Уже есть образ, передающий психологическую атмосферу: захлёбываться от неназванных слёз. Дальше идёт развёртывание реальной ситуации в уже данном ключе. Стих короткий, оборванный, как это бывает в речи предельно взволнованной:

*От того ли,
Что пароход уже отчалил,
Иль от того, что музыка звучала
И делала фанатиками нас.*

Выбор самых первых слов в какой-то степени ещё случаен, необязателен, пока ключ не найден. Это ещё проба. Внутреннее чутьё определяет степень соответствия этой пробы эмоциональному настрою. Этот фрагмент может потом подвергнуться правке, иногда даже совсем исчезнуть, но если он выражает интенсивность и окраску эмоционального состояния, он играет роль камертона, в тон которому настраивается остальная стихотворная ткань. Найти его уже полдела. Его можно сравнить с первым маленьким кристаллом, с образованием которого процесс кристаллизации ускоряется. Чаще всего, но далеко не всегда это бывает первая строка, задающая ритмику и размер, если стихотворение пишется классическим стихом.

Длина стихотворения не подвластна математическим расчётам. У разных авторов она разная. Я считаю, что излишняя растянутость только губит все хорошие находки автора. Опять мерилом выступает внутреннее ощущение исчерпанности, раскрытости темы.

Осталось для этого замысла немного: усиление нагнетённого чувства и конец, который ни в коем случае не должен снижать накала, а напротив должен быть весомей, что называется «эффектным».

*Упала и сомкнулась
Непроходимая стена дождя
И гладь души была измята.
Над не
Вакханкой пьяной
плясала музыка.*

Круг тем, связанных с воплощением идей-мыслей гораздо менее ограничен биографическими рамками и потому более обширен, практически беспределен. Идея-мысль может возникнуть не только как обобщение личного опыта, но может иметь ассоциативный характер.

Воплощение такого рода замыслов и легче и трудней разобранных выше. Облегчается самая первая фаза, потому что мысль является сразу в чёткой словесной форме, для воображения уже существует вектор. Трудней потому, что есть опасность излишней рассудочности.

Всё же стихотворение, в основу которого легла идея-мысль, имеет при прочих равных качествах большую дозу абстрактного. В этом и состоит отличие философской лирики от лирики вообще. Разумеется, такое разграничение условно. Кроме того я не беру случаев, когда замысел может меняться на ходу и в такое переживание может вноситься глубокое философское обобщение или наоборот.

Как идея-мысль только тогда станет лирическим стихотворением, а не афоризмом или размышлением, когда получит эмоциональную плоть, так и идея-эмоция не может осуществиться, не проявившись в чётких словесных конструкциях, несущих мысль.

Для того и другого случая обязателен закон, делающий произведение художественным — эмоциональный процесс, сопровождающий творчество и цементирующий ткань стиха.

Без внутреннего переживания темы писать вообще бесполезно. В лучшем случае это будут мёртвые заготовки, ждущие, когда автор вдохнёт в них душу.

Поэзия, на мой взгляд, единственная область в искусстве, где не надо переоценивать роль труда, трудо-способности.

Надо переживать всё заново, когда берёшься воплощать какую-то тему. В отличие от рабочей взволнованности только вдохновение обладает безошибочным решением темы.

Более абстрактный характер идеи-мысли не означает, что стихотворение в этом случае должно обязательно являться плодом долгих размышлений, подведением итогов, когда всё додумано и осталось найти подходящую форму. Скорее напротив, тема должна таить нечто неожиданное, какой-то поворот, захватывающий самого автора.

Именно поэтому стихи лучше всего писать по свежим следам замысла, пока не стёрлась его новизна. Однако, далеко не всегда автор имеет возможность воплотить замысел сразу после его рождения. Трудность состоит в том, чтобы уметь вернуться к задуманной теме через дни и месяцы. За это время многие темы отгорают или просто забываются. Можно по-разному относиться к этому выпадению темы. Можно считать, что происходит естественный отсев второстепенного. Конечно, программные мысли, выражающие узловые моменты мировоззрения, не забудутся. Но что сказать о лирических миниатюрах, сущность, которых в неповторимости настроения?

Поэтому записная книжка поэту также необходима как прозаику.

Иногда замысел не даётся автору. В этом случае упорство автора может привести к появлению отвращения к теме. Чтобы она не погибла совсем, лучше выждать некоторое время и начинать работу совсем заново.

При выборе формы, как я уже говорил, большое значение имеет внутреннее чувство соответствия замыслу избираемого ритма, рифмовки или её отсутствия, ассоциативности или прямой подачи.

Но нельзя полагаться только на интуицию. Поэт должен быть компетентен в вопросах формы.

Здесь действует на первый взгляд парадоксальный закон. Чтобы расширить сферу интуиции нужно расширить сферу познания. Как ни грустно это, нужно отказаться от иллюзии возможности писать по наитию — как поёт птица, не потому, что это недостойный идеал, а потому что — невозможный.

Если бы в творчестве отсутствовала творческая воля, то практически в вопросах формы, и не только формы, поэзия не имела бы никакого прогресса.

Поэт должен отдавать себе отчёт в роли своей формы в литературном процессе.

Самое главное сделать своё слово живым. Именно в этом роль всех форм.

Способность плодотворно, а значит достаточно быстро, трансформировать свой эмоциональный процесс в стихотворные формы и делает человека поэтом. Эта способность, формирующая и сдвигающая всю психику человека, приходит в результате долгого опыта.

Именно в этом смысле я понимаю поэтический профессионализм, а не как овладение суммой определённых технических приёмов.

Иметь творческую индивидуальность это значит, прежде всего, самостоятельно мыслить, доверять себе в своих поисках. Знание чужой техники нужно для того, чтобы найти свои приёмы.

Но все эти соображения вступают в силу, когда замысел уже определился, а для того, чтобы он возник нужен, прежде всего, приток свежих жизненных впечатлений.

Я не представляю себе поэта кабинетным затворником, пользующимся одним источником — собственным

воображением. Если и есть такие поэты, их поэзия лишена самого ценного — ощущения самой плоти жизни.

Поэзия, безусловно, только в том случае не игра в слова для читателя, когда в ней реальная человеческая судьба.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ А. БЛОКА

Россия — страна великой поэзии. Среди десятков имён больших поэтов разных эпох, есть имена наиболее близкие читателю. Они сопровождают нас в радости и в горе, обогащают нас духовно, становятся как бы частью нашей собственной жизни.

К таким поэтам относится Александр Блок, каждая вновь найденная строчка которого становится литературным событием, позволяющим нам ещё на какую-то дополнительную глубину познать духовный мир поэта, а так же выполнить наш долг в том, чтобы сохранить и довести до сознания поколений его духовный мир и его творчество с максимальной полнотой.

В настоящее время известно свыше 450 дарственных надписей А. Блока на книгах, оттисках и фотографиях. Авторы «Списка невыявленных дарственных надписей Блока» (Литнаследство, т. 92, кн. 3) считают, что остаются невыявленными свыше 1000 авторских надписей.

Сегодня мне хотелось бы сделать доступным читателю ещё один из блоковских автографов.

Это записка А. Блока Алексею Николаевичу Толстому: *«Дорогой Алексей Николаевич. Вот вам «Нечаянная Радость». Не отвечаю сейчас на Ваш милый визит к нам, потому что чувствую себя очень усталым и угнетённым. Жму Вашу руку. Ал. Блок».*

Перед нами записка без даты, сопровождавшая даримую А. Н. Толстому книгу, отправленную с посылным или по почте. Скорее всего, на книге «Нечаянная Радость» Блоком сделана дарственная надпись, учитывая, что в личной библиотеке Блока сохранилось четыре

книги А. Н. Толстого с автографами Блоку, т. е. они обменивались автографами.

Но эта книга остаётся нам неизвестной. Как и все другие блоковские книги, скорее всего, регулярно даримые Блоком Толстому, кроме «Ночных часов» (Литнаследство, т. 92, кн. 3, стр. 134)

Поскольку дата отправки «Нечаянной Радости» отсутствует, возникает вопрос, когда написана эта сопроводительная записка и о каком издании книги идёт речь: первом отдельном 1907 г. или 2-м томе Собрания стихотворений 1912 г.? У нас нет прямых указаний о времени знакомства А. Блока с А. Толстым, но по ряду косвенных свидетельств это произошло осенью 1909 года спустя два года после выхода первого издания «Нечаянной Радости», а по смыслу блоковской надписи он посылает новинку.

Дневник Блока подтверждает это предположение. В записи 29 декабря 911 года мы читаем: «Вчера же получил «Нечаянную радость» (89 экземпляров) — с вокзала доставил посыльный. Избегаю людей, приходил Толстой, Таня не приняла его. — Тяжёлый вечер».

(Таня, по-видимому, прислуга Блоков, имевшая наказ никого не принимать в этот вечер).

Как видим речь идёт о втором томе «Собрания стихотворений» (издательство «Мусагет») помеченном 1912 годом, а на самом деле вышедшим из печати в декабре 1911 года. Первые четыре экземпляра второго тома Блоку передал А. А. Кожебаткин ещё 18 декабря 1911 года(см. «Дневник блока»).

Последние 2 дня декабря 1911 года — первые дни января 1912 года — этим отрезкам времени мы и можем датировать приведённую выше сопроводительную записку А. Блока Толстому.

Сам факт неприятия визита Толстого 29 декабря как и передача «Нечаянной радости» заочно, говорит о то, что Блок не искал общества Толстого и даже тяготился общением с ним в это время, хотя и отдавал должное его талантливости. Об этом же говорит и запись в дневнике от 17 февраля 1913 года:

«На этих днях мы с мамой (отдельно) прочли новую комедию А. Толстого «Насильники». Хороший замысел, хороший язык, традиции — всё испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры... Много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта. Но пока он будет думать, что жизнь и творчество состоит из «трюков»... будет бесплодной смоковницей».

И всё же была у А. Блока и А. Толстого более тёплая встреча, когда они обрадовались друг другу и даже расцеловались. Это произошло 16 января по старому стилю 1917 года в Полесье, недалеко от станции Лунинец во время 1-ой мировой войны, когда Блок служил в строительной дружине.

Из письма А. Блока матери от 17 января 1917 года: *«Вчера приезжал генерал, остался доволен, благодарил нас (при нём состояли приятели мои Д. Кузьмин и А. Толстой, с которым мы целовались и пр.)»* Позднее в ответ на известие о смерти Блока, Толстой напишет полувоспоминание — полужэссе о Блоке «Падший ангел». Вот отрывок оттуда: *«Меня провели в жарко натопленный домик, где стучали дактилографисты и побежали за заведующим. Через несколько минут, запыхавшись, вошёл заведующий, худой, красивый человек, с румяным от мороза лицом, с заиндевевшими ресницами. Всё, что угодно, но я никак не мог ожидать, что этот заведующий окопными работами — Александр Блок. Он весело поздоровался и сейчас же раскрыл конторские книги. Когда сведения были отосланы генералу, мы пошли гулять. Блок рассказывал мне о том, как здесь славно жить, как он из десятников дослужился до заведующего, сколько времени в сутки он проводит верхом на лошади; говорили о войне, о прекрасной зиме... Когда я спросил — пишет ли он что-нибудь, он ответил равнодушно; «Нет, ничего не делаю».*

Ещё при жизни А. Блока А. Толстой во Франции напишет и опубликует в русских эмигрантских журналах «Грядущая Россия» и «Современные записки» роман «Сёстры», ставший позднее первым романом трилогии «Хождение по мукам». В образе петербургского поэта

Алексея Алексеевича Бессонова мы узнаем по многим приметам А. Блока.

Бессонов по мысли А. Толстого — это воплощение всего отрицательного в художественно-интеллектуальной среде Петербурга.

А. Варламов, автор в новом издании книги в ЖЗЛ «Алексей Толстой» считает, что изображая Бессонова в столь отталкивающем виде, Толстой таким образом мстил Блоку за то, что так и не сумел очаровать Блока и приблизиться к нему в предвоенные годы.

Так ли это или просто Толстой сводил счёты со всей петербургской художественно-интеллектуальной средой и всю довоенную жизнь, но только мы не видим в Бессонове ни одной положительной черты.

Неудивительно, что сам Толстой позднее поняв, что у него получилась скорее карикатура на Блока, а не подлинный его образ, стал утверждать, что он изобразил в Бессонове не Блока, а одного из его эпигонов.

2008

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Накануне.....	3
Война	3
Развалины гестапо в Брянской области.....	4
Контуженный	4
Ещё мальчишка, золотоволосый	5
Хиросима	5
Снег на зубцы Кремля лёг кружевами	6
В неожиданный час душевных гроз	6
Упал на море небосвод	7
Эпитафия	7
Монплезир	7
Лётчик-испытатель	8
Прокатился гудок паровозный	9
Титаник-вальс.....	9
Баллада о петухе.....	11
Портрет	12
Всю жизнь к недостижимому стремиться	13
Васко Нуньес Де Бальбоа	13
Индийская мелодия	14
Из В. Гаршина (Переложение)	15
Уж сгнили листья, что скрывали нас	15
Путешественники.....	16
Паровоз	16
Ненужная радость	17
Электрички	18
Любимая, вечность уже протекла	19
Внушение	20
Поиски прошлого.....	21
Мир терял Пушкина.....	22
Перед враждебным равнодушием природы	23
Ода МГУ.....	23
То не сердца причуда	24
Что ты бьёшься в остывшее сердце	25
Снова боли прибой.....	25
Куда скрывается вчерашний день?	26
Сугробами порхающего снега	26
Перевернуть страницы дней	27
Всегда мы что-нибудь теряем.....	27
Дождь, продираясь через сад, шумел	28
Ефиму Друцу	28
Опасен ум, опередивший время	29
Гелиос	30
Бах.....	30

Здесь только небо грабаристо	31
Геологи.....	32
Тикси	32
Ещё дрожала ветка	33
Анхелю Серрано	33
В день августа, в золотознойный полдень	34
Шахматово	34

ПРОЗА

Между замыслом и воплощением	37
Неизвестный автограф А. Блока	42

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГОМОРЕВ
Избранное
Стихотворения, проза

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 29.07.2010
Подписано в печать 10.08.2010

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75